

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЯНИЙ

Ефим МОХОРЕА, доктор философии, профессор,
Ион БУЗИНСКИЙ, преподаватель,
Бельцкий государственный университет имени Алеку Руссо

Rezumat: *Acest articol este consacrat evidențierii aspectelor filosofice ale calificării faptelor ilegale, inclusiv, celor penale. Calificarea faptelor ilicite reprezintă un proces cognitiv creativ complex, care presupune competență nu doar în domeniul științelor juridice, dar și capacități de a opera cu anumite categorii filosofice. Pentru ca procesele calificării să fie efectuate corect, este important ca reprezentării organelor de drept să facă distincție clară între aspectele ontologice, gnoseologice și axiologice ale cercetării fenomenelor prejudiciabile, pentru a nu confunda ceea ce „este” (onticul) cu ceea ce „trebuie să fie” (deonticul).*

Cuvinte-cheie: *ontologie, gnoseologie, axiologie, valoare, faptă prejudiciabilă, faptă penală, infracțiune.*

Введение

Квалификация противоправных деяний представляет собой важнейшее звено в доказательственном процессе судопроизводства по любому делу – административному, гражданскому, уголовному и т.п. Неправильная квалификация, в том числе, судебная ошибка, приводят к существенному ограничению прав и законных интересов личности, общества и государства.

Квалификация правонарушений является сложным творческим мыслительным процессом, предполагающим умение оперировать не только специальными понятиями правовых дисциплин, но и определёнными философскими категориями (единичного и общего, конкретного и абстрактного, явления и сущности, причины и следствия, различных видов истины и др.); также важно правильное применение принципов, законов и правил класси-

ческой формальной и современной символической логики (тождества, непротиворечия, исключённого третьего, достаточного основания, обратного соотношения содержания и объёма понятий, дедуктивных и индуктивных умозаключений и т.д.).

В квалификации противоправных деяний необходимо правильно понимать и различать онтологические, гносеологические, аксиологические и другие философские аспекты расследуемых конкретных социально опасных или вредных явлений. Этим аспектам необходимо уделить должное внимание во время изучения на юридических факультетах материального и процессуального уголовного права.

1. Материальные основания и юридические основы квалификации противоправных деяний

Термин «квалификация» латинского происхождения (от *qualis* – какой, какого качества и *facere* – делать). Он указывает, прежде всего, характеристику предмета, явления, отнесение его к какой-либо категории, группе [5, с. 431]. Применительно к праву, принято считать, что квалифицировать какое-либо правонарушение – значит дать ему юридическую оценку, определить конкретную статью соответствующей отрасли права, в частности, уголовного закона, предусматривающую наказание за данное противоправное деяние.

Юридическая квалификация есть центральная стадия правоприменения, оценка фактических обстоятельств посредством установления тождества их признаков признакам конкретной юридической нормы, подлежащей применению. Правовую основу юридической квалификации образуют действующие нормы права, являющиеся критериями оценки квалифицируемого явления. Понятие «юридическая квалификация» применяется во всех отраслях права, однако доктринально впервые появилось и наиболее разработано в уголовном праве, в котором его нормативной основой выступает состав преступления (*corpus delicti* – термин, введённый в Италии в 16 в.).

Юридическая квалификация человеческих поступков представляет собой сложную мыслительно-познавательную деятельность. Её философская основа – гносеология и системный подход, обеспечивающие правильность искомого вывода посредством объективности, всесторонности, конкретности, полноты расследования. Современные правоприменители, так же, как и их коллеги в 18 в., считают, что логической основой юридической квалификации является *категорический силлогизм* (форма дедуктивного умозаключения), в котором роль большей посылки играет правовая норма («де-юре»), а меньшей – фактические обстоятельства, подлежащие оценке («де-факто») по принципу «закон всеобщ – случай единичен». Итальянский мыслитель и правовед Чезаре Беккариа в работе «О преступлениях и наказаниях» (1764 г.) писал, что *по поводу всякого преступления судья должен построить правильный силлогизм, в котором большой посылкой служит общий закон, а малой – конкретный поступок, противоречащий или соответствующий закону; заключение – оправдание или наказание.*

Юридическая квалификация осуществляется посредством определённой процедуры (формы), имеющей ряд этапов: установление действительных обстоятельств, на которые рассчитана правовая норма (как фактическая основа для её применения); выбор нормы, подлежащей применению к установленным обстоятельствам; издание акта применения норм права как результат тождества признаков деяния и соответствующего состава правонарушения, зафиксированного в юридической норме.

Специалистами выделяются три вида юридической квалификации: официальную, доктринальную и обыденную. Официальная юридическая квалификация – прерогатива государственных органов.

Изложенное выше требует более детального философского анализа, так как многие разногласия между специалистами, исследующими теоретические и практические проблемы квалификации противоправных деяний, возникают из-за не учёта различий онтологического, аксиологического гносеологического, логического и других подходов в интерпретации квалификационных процессов и операций.

Прежде всего, необходимо определить философское содержание понятия «квалификация преступлений». Например, известный российский автор Н.Ф. Кузнецова пишет: *«Квалификация преступлений – это установление соответствия в содеянном признаков общественно опасного деяния признакам состава преступления, предусмотренного в нормах Общей и Особенной частей УК с выводом о применении той или иной статьи Кодекса»* [7, с. 7].

Н.Ф. Кузнецова и многие другие правоведы солидарны с автором первой в бывшем СССР работы по уголовному праву о квалификации преступлений А.А. Герцензоном. Последний определял классификацию преступления как установление *«соответствия данного конкретного деяния признакам того или иного состава преступления, предусмотренного уголовным законом»* [3, с. 3]. Изучая различные стороны конкретного факта, выявленные в процессе предварительного или судебного следствия, в частности, военный прокурор или военный трибунал *«приходят к выводу о наличии всех основных признаков состава данного вида преступления и решают вопрос о квалификации деяния по соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса»* [3].

Если следовать идеям названных выше авторов, можно понять, что преступление существует *реально* (как материальное явление) и остаётся только *квалифицировать* его, т.е. найти в нём те признаки, которые соответствуют составу преступления, предусмотренного нормами Уголовного Кодекса (Общей и Специальной части). Действительно, в одной из работ о составе преступления академик В.Н. Кудрявцев признавал, что состав преступления существует *объективно*. Так, он писал: *«Законодатель, разумеется, образует не состав, а уголовно-правовую норму, в которой с большей или меньшей полнотой описываются признаки состава преступления. Сами эти признаки существуют объективно, независимо от сознания людей, они действительно присущи данному конкретному преступлению, и задача законодателя состоит в том, чтобы выявить и предусмотреть эти признаки в законе с наибольшей полнотой и глубиной»* [Цит. по: 7, с. 9]. Основываясь на философском принципе единства *единичного* (отдельного) и *общего*, В.Н. Кудрявцев ясно и недвусмысленно утверждал, что правовая норма как *«социальная ценность ... существует в объективной действительности»*; *«правовая норма, закрепляющая признаки того или иного вида преступления, служит основанием для наступления правовых последствий, но само преступление совершается ... в реальной действительности»* [6, с. 37].

Известно, что многие определения квалификации преступлений в уголовно-правовых работах современных российских и постсоветских нероссийских авторов в основном совпадают с цитированными выше. Как отмечает Н.Ф. Кузнецова, различия вытекают не из понимания квалификации как процесса *идентификации* содеянного с описанием его состава в Уголовном Кодексе, а из авторской позиции относительно состава преступления, т.е. о том, суть которой в выяснении вопроса о том, *что с чем сопоставляется при квалификации?* Исследователь пишет: *«Одни считают, что идентифицируется преступление с составом преступления. Другие – преступление с уголовно-правовой нормой. Третьи – состав общественно опасного деяния с составом преступления, описанного в соответствующей норме УК»* [7, с. 9].

Как нам представляется, в процитированных определениях не учитываются различия между онтологическим (материальным), аксиологическим (оценочным, нормативно-ценностным) аспектами социально опасного деяния, а также логико-гносеологическое (истинностное) содержание самого преступления. А не имея чёткого понимания о том, *что надо* квалифицировать, сложно осуществить саму *квалификацию*.

Нам также представляется, что *преступным* может называться то определенное деяние, некое *сущее* (бытийное, существующее), реальный *объект* (поступок, действие или бездействие), который, будучи *оценённым* правоприменителем в соответствии с *уголовной нормой* в практике уголовного права, будет *считаться*, т.е. *оцениваться* как преступление, не являясь им на самом деле, т.е. *объективно* таковым. Именно такой, *субъектно-*

объектной реальности, а не объективной реальности, если не в официальном, то хотя бы в доктринальном понимании (в философии права и теории уголовного права), должно соответствовать понятие *преступление*.

Важно отметить, что современная наука уголовного права, отечественная и зарубежная, не даёт чёткого и однозначного определения понятия *преступление*, о чём свидетельствуют работы по сравнительному уголовному праву [8]. Так, по российскому уголовному праву преступление определяется как «виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания» [ст. 14 УК РФ]. А по уголовному праву Республики Молдова преступлением «является *наносящее вред деяние (действие или бездействие), предусмотренное уголовным законом, совершенное виновно и уголовно наказуемое*» [ст. 14 (1)].

Данные дефиниции указывают на формально-материально признаки преступления, поскольку характеризует преступление как деяние, запрещенное уголовным законом (в России) либо предусмотренное уголовным законом (в РМ) (формальный признак), а также как *общественно опасное* (в России) или *наносящее вред* (в РМ) действие или бездействие (материальный признак). Следует признать, что эти дефиниции преступления (закрепленные в ст. 14 УК РФ и ст. 14 УК РМ), являются наиболее предпочтительными с логической точки зрения, т. к. они указывают на внешний *родовой* признак для любого правонарушения – *общественно опасное* или *наносящее вред* действие или бездействие, а также другие существенные для любых правонарушений признаки – *виновность* и *наказуемость* деяния.

Законодательное определение преступления по УК КНР также содержит четыре признака: общественная опасность (общественная вредность), противоправность, виновность, наказуемость. В уголовном законе КНР термины «общественная опасность деяния» и «общественно вредные деяния» используются как синонимы [8, с. 528].

Весьма специфичной, дающей определение скорее *преступника*, чем преступного деяния, является дефиниция ст. 1 УК Швейцарии, в соответствии с которой *наказуемым* является только тот, кто совершает деяние, точно запрещённое законом под угрозой наказания. Во французском уголовном законодательстве отсутствует дефиниция преступного деяния. Однако в Общей части УК законодатель установил такие признаки преступного деяния, как *тяжесть вреда*, причиненного личности, обществу, государству (ст. 111-1); *противозаконность* и *наказуемость* деяния (ст. 111-2, 111-3); *умышленность* или *неосторожность* деяния (ст. 121-3). Аналогичный подход нашел свое отражение и в УК ФРГ. В различных статьях УК определено, что к признакам преступления относятся *противоправность*, *виновность* и *наказуемость*. Родовой материальный признак преступления в УК ФРГ не закреплен [8, с. 528-529].

А.А. Малиновский провёл аналитическое сопоставление определений преступного деяния и признаков, его характеризующих, и пришёл к выводу, что многие дефиниции преступления являются не совсем точными. В частности, он отметил: «*Вызывает сомнение целесообразность отказа законодателей Германии, Швейцарии и некоторых других государств от материального признака преступления. Современное уголовное право осуществляет ярко выраженную социальную функцию, а именно охраняет общество от преступных посягательств и наказывает за их совершение. Не случайно ещё во французской Декларации прав человека и гражданина провозглашалось, что закон имеет право запрещать лишь действия, вредные для общества*» [8, с. 529].

В современной России и отдельных постсоветских государствах многие специалисты в области уголовного права разделяют концепцию В.Н. Кудрявцева, который в монографии «Общая теория квалификации преступлений» определил квалификацию преступления как «*установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой*» [6, с. 5]. Сам автор отмечал, что приведённое определение характери-

зует квалификацию преступления как правовое явление, однако этот процесс имеет и другие аспекты, важнейшие из которых – психологический и логический [6, с. 5]. Это важное замечание В.Н. Кудрявцева не исключает существования и других аспектов исследования классификации преступных деяний.

Нами выше была отмечена важность различения онтологического, аксиологического и гносеологического аспектов, без которых трудно разобраться в философской сущности процессов квалификации любых противоправных деяний, в том числе, уголовных правонарушений, о которых речь пойдёт ниже.

2. Онтологические, аксиологические и гносеологические аспекты противоправных деяний

Любой человеческий поступок (бессознательный или осознанный), в том числе противоправное деяние, содержит материальную составляющую, основанную на вещественно-энергетических и сигнально-информационных процессах, естественных законах причинно-следственных связей и отношений. Назовём эту часть поступка или деяния его *материальной основой*. В юридической литературе пишут о том, что материальная основа поступка (деяния) входит в состав *фактической стороны дела*. То, что существует реально (в объективной или субъективной форме), в философии является объектом *онтологии* (учения о бытии). Эта реальность может быть описана беспристрастно (без соответствующей оценки) и выражена в *дескриптивных* суждениях. Последние, если они строго соответствуют, т.е. адекватны, реальности, в *гносеологии* (учении о познании) считаются *истинными*; суждения, неадекватные объекту познания, называются *ложными*. Например, в 12 часов и 16 минут 15.07.2020 г., гражданин А. зашёл во двор гражданина Б. (проживающего в городе В. страны Г., по улице Д., номер дома 4), самовольно *вынес* со двора сварочный аппарат и *положил* его в багажник автомобиля Е.; в 12 часов и 25 минут гражданин А. *сел* в тот же автомобиль. и *уехал* в неизвестном направлении. Если впоследствии будет установлено (в случае необходимости), что всё происходило именно так, то, юридически выражаясь, будет доказана *фактическая сторона дела* (или его часть) и *установлена материальная истина*.

То, что было изложено нами выше, позволяет перейти к философской интерпретации квалификации социально опасных или вредных деяний. Надо подчеркнуть, что авторы данной статьи до сих пор сознательно не употребляли словосочетание «квалификация преступлений». Считаем, что вообще *объективно* не существует преступлений. Сами атрибуты *опасное* или *вредное* в деянии уже предполагают некую оценку в соответствии со здравым смыслом и составляют только лишь «*материальное*» основание, которое, получив уже соответствующую *юридическую* оценку, обретает статус реального *правонарушения* (дисциплинарного проступка, административного правонарушения, гражданского деликта, уголовного преступления). Не случайно юристы пишут о *фактическом* основании и *юридической (нормативной)* основе правонарушения, в том числе уголовного преступления. Следовательно, наряду с наличием фактического основания и юридической (нормативной) основы, для квалификации противоправных деяний необходима также их *оценка* с точки зрения норм права, в том числе уголовного права (Общей и Специальной части УК).

Проблема *оценивания, оценки* (моральной, юридической и т.д.) относится к специальной теории о *ценностях*, которая называется *аксиологией* (от греч. *axia* - ценность и *logos* - учение); она является разделом философии, занимающимся изучением ценности, значимости любых объектов, отвлекаясь от их экзистенциальных и качественных характеристик.

Наряду с философской аксиологией, в философии права существует раздел *юридической (правовой) аксиологии*. Последняя опирается на понятия общей аксиологии, на теоретические положения о ценностях вообще. Правовые ценности и оценки (в сфере правосознания) имеют *регулятивное* значение. Правовые нормы, в свою очередь, приобретают значение *ценностей* и сами становятся объектом *оценки*.

По определению специалистов, *ценности* (в отличие от знания) не подлежат логической, эмпирической проверке и обоснованию. Известный специалист в области аксио-

логии и логики норм и оценок А.А. Ивин писал: «Ценности не даны человеку в опыте. Они говорят не о том, что *есть* в мире, а о том, что *должно* в нем быть, и их нельзя увидеть, услышать и т. п.» [4, с. 72].

Ценности представляют собой некие исходные данности, которые побуждают субъектов к их сохранению, к обладанию ими и деятельности на их основе, поскольку воспринимаются как разнообразные *блага*. Им нельзя дать точного и полного объяснения, не прибегая к понятиям аксиологии. Процедура выбора на основе ценностей называется *оценкой*. В каждой оценке в качестве основания могут выступать разные стороны деятельности, в частности, *нормативная* – соответствующая культурной специфике определенного общества. Правотворчество и реализация права, в частности, правоприменение представляют собой области человеческой деятельности ярко выраженного *оценочного* характера.

С нашей точки зрения, любой объект ценностного отношения должен обладать триадой признаков: 1) Обладать материальным субстратом – *сущим* как носителем свойств или качеств как *потенциальных* ценностей для *субъектов* (индивидуальных или коллективных) ценностных *отношений*. 2) Качества и свойства (т.е. потенциальные ценности) должны быть познаны, осознаны субъектами ценностных отношений и выражены в дескриптивных суждениях (истинных или ложных). 3) Субъекты ценностных отношений, в соответствии с определенными *критериями*, должны актуализировать операцию *оценки* и выразить её посредством *ценностного суждения* (одобрения или неодобрения). Например, уже маленькие дети понимают, во-первых, что в садах и огородах *существуют* фрукты и овощи, во-вторых, что фрукты и овощи *растут*, затем они *созревают* и, в-третьих, что зрелые фрукты и овощи *приятны* (или не очень) на вкус, *пригодны* для потребления и *полезны* для здоровья. К изложенному выше можно добавить, что объектами ценностных отношений (оценок) могут быть также *поступки* людей. Например, дети, которые срывают фрукты без разрешения родителей даже в собственном саду, совершают *моральные поступки* и могут быть наказаны взрослыми. Понятно, что, если вменяемые взрослые люди будут собирать фрукты и овощи в чужих садах, огородах и полях без разрешения на то их владельцев, то эти поступки, с точки зрения права, будут считаться *правонарушениями* и должны будут подлежать *правовой оценке*, т.е. *юридической квалификации*.

Итак, юридическая квалификация конкретных поступков, деяний (действий или бездействий), которые приводят к *негативным последствиям* (разрушениям построений, порче одежды, бытовой техники, вреду здоровья, унижению личности и т.д.) означает их «перевод» (переход) из сферы *сущего* (того, что *есть*) в область *должного* (того, что *должно* быть) на основе *нормативной оценки*. Так, например, *перенос*, т.е. *перемещение* вещи из одного помещения в другое (которое, в определенном контексте, на юридическом языке, может означать *переход* вещи из законной собственности одного лица в незаконное владение другими лицами) может *оцениваться* представителями правоохранительных органов как *кража* или другое преступление против собственности (ограбление, разбой и др.). Именно в *оценке* (нравственной, юридической и др.) заключается коренное отличие *социального* процесса от *естественного* явления (химической реакции, роста растения, полета птицы, лая собаки и т.д.). Поэтому объективная, материальная сторона противоправных деяний должна выражаться в *дескриптивных* (описательных) суждениях, в то время как *прескриптивная* (нормативная) их составляющая – в *оценочных*.

Дескриптивные суждения могут быть *истинными* или *ложными*, а прескриптивные, по нашему мнению, – только *правильными* или *неправильными*. А.А. Ивин отмечал, что «*истина*» и «*ценность*» являются двумя *фундаментальными, взаимно дополняющими* понятиями теории познания. Это положение диктует общую линию подхода к анализу ценностей. Однако, *ценность*, как и *истина*, является не свойством, а *отношением* между мыслью и действительностью. Утверждение и ситуация, которой это отношение касается, «*могут находиться между собой в двух противоположных отношениях: описательном и оценочном*. В случае первого отправным пунктом сопоставления явля-

ется ситуация, утверждение выступает как ее описание и характеризуется в терминах понятий «истинно» и «ложно». В случае оценочного отношения исходным является утверждение, функционирующее как стандарт, перспектива, план. Соответствие ему ситуации характеризуется в терминах понятий «хорошо», «безразлично» и «плохо». Истинным является утверждение, соответствующее описываемой им ситуации. Позитивно ценна ситуация, соответствующая высказанному о ней утверждению и отвечающая предъявляемым к ней требованиям. Иначе говоря, позитивно ценной является такая ситуация, какой она **должна быть** в соответствии с существующим в данном обществе образцом, или стандартом, объектов рассматриваемого рода или в соответствии с представлениями субъекта о совершенстве таких объектов» [4, с. 7-8].

На основе сопоставительного анализа истины и ценности А.А. Ивин приходит к выводу о том, что цель *описания* – сделать так, чтобы слова *соответствовали миру*; цель *оценки* – сделать так, чтобы мир *отвечал словам*. Это – две диаметрально противоположные функции, которые не сводимы друг к другу. Таким образом, *истина* – это *соответствие мысли своему объекту*, а *позитивная ценность (добро)* – *соответствие оцениваемого объекта мысли о нём*. [4, с. 9, 10, 11]. Во избежание путаницы между истиной и ценностью следует иметь в виду, что, всякий раз, «*когда объект сопоставляется с мыслью на предмет соответствия ей, возникает ценностное отношение*» [4, с. 14].

А.А. Ивин всесторонне (исторически, логически, эмпирически) обосновал идею о не тождественности истинного и ценностного подходов: «*В случае истинностного подхода движение направлено от действительности к мысли. В качестве исходной выступает действительность, и задача заключается в том, чтобы дать адекватное ее описание. При ценностном подходе движение осуществляется от мысли к действительности. Исходной является оценка существующего положения вещей, и речь идет о том, чтобы преобразовать его в соответствии с этой оценкой или представить в абстракции такое преобразование*» [4, с. 31]. Иначе говоря, «*оценочные утверждения обосновываются принципиально иначе, чем описательные утверждения, и, соответственно, аргументация в поддержку оценок должна быть другой, нежели аргументация в поддержку описаний*» [4, с. 71].

Как уже отмечалось выше, описание должно соответствовать миру; задачей оценки является, в конечном счете, приведение мира в соответствие с оценкой. Эти две противоположные задачи не сводимы друг к другу. «*Очевидно, что, если ценность истолковывать как противоположность истины, поиски логического перехода от «есть» к «должен» лишаются смысла. Не существует логически обоснованного вывода, который вел бы от посылок, включающих только описательные утверждения, к заключению, являющемуся оценкой или нормой*» [4, с. 162].

Итак, философский подход к юридической квалификации какого-либо поступка, деяния (действия или бездействия) представляет собой не просто поиск в *содянном* явлении конкретных признаков, тождественных признакам, описанных в юридической норме. Юридическая квалификация, образно говоря, есть «перевод» этих явлений из сферы *сущего*, посредством их *оценивания* на основе *норм права*, в область *должного*. Следовательно, с точки зрения философских принципов, *преступление*, описанное в норме Уголовного кодекса, и реальное опасное или вредное *деяние*, подпадающее под эту норму, не обладают одинаковыми *экзистенциальными* статусами. На философском языке, квалификация человеческих поступков означает *наделение* их, т.е. *придание* объектам квалификации, представляющих *интерес* для *субъектов оценивания*, атрибутов *позитивной значимости* (полезности, привлекательности, законности и т.д.) или, обобщенно говоря, того есть *добро, добродетель, благо, справедливость* и т.п. То, что оценивается *отрицательно* (зло, порок, несправедливость и т.д.) необходимо осудить, исключить, запретить в нормативном порядке, в том числе, на основе права (административного, гражданского, уголовного и т.д.) конкретного государства. Следовательно, вследствие различий в критериях оценок и содержании самих юридических норм, одни и

те же *реальные* поступки, скорее всего, получают *различную* юридическую квалификацию в разных государствах. Например, в Республике Молдова шантаж считается преступлением против *собственности*, а в Румынии – *против свободы личности*.

Вышеизложенное необходимо учитывать в процессе изучения студентами юридических факультетов курса Уголовно-процессуально права.

Библиография:

1. *Уголовный Кодекс Республики Молдова*. Кодекс № 985 от 18.04. 2002;
2. *Уголовный Кодекс Российской Федерации*. «Собрание законодательства Российской Федерации» № 25 от 17 июня 1996;
3. ГЕРЦЕНЗОН, А.А., *Квалификация преступлений*, Москва: Военно-юридическая Академия, 1947;
4. ИВИН, А.А., *Аксиология*. Научное издание, Москва: Изд.-во «Высшая школа», 2006;
5. КОМЛЕВ, Н. Г., *Словарь иностранных слов*, Москва: Изд.-во ЭКСМО-Пресс, 2000;
6. КУДРЯВЦЕВ, В.Н., *Общая теория квалификации преступлений*. 2-е изд., перераб. и дополн., Москва: «Юристъ», 2004;
7. КУЗНЕЦОВА, Н.Ф., *Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений»* / Науч. ред. и предисл. академика В.Н. Кудрявцева. Москва: Издательский Дом «Городец», 2007;
8. МАЛИНОВСКИЙ, А.А., *Сравнительное уголовное право: учебник*, 2-е изд., доп. и перераб., Москва: Юрлитинформ, 2016.